

Сергей Валянский
Дмитрий Калужный

ДАВАЙ БЕРИ!

Коррупция:
торговля властью
крупными оттоком

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 316.443
ББК ТЗ(2)74
В 16

Оформление переплета М. Левыкина

Валянский С.И., Калюжный Д.В.

В 16 Давай бери! Коррупция: торговля властью крупным оптом. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 368.

ISBN 978-5-9908267-8-6

Вы держите в руках необычную книгу о коррупции: она не «критиканская», а научная, хоть и написана максимально простым и понятным языком. Здесь рассказано об истоках, механизмах развития, видах проявления и опыте борьбы с коррупцией в разных странах мира, в том числе в бывшем СССР, и, конечно, в России. Работая над ней, авторы желали дать людям знания о том, что, как и почему происходит — чтобы уменьшилось число «невежественных ленивцев», чьё безразличие становится питательной средой для коррупционного негодяйства, и одновременно чтобы стало меньше «пустых критиканов», которые нападениями на частные недостатки не дают людям увидеть общую страшную картину. Чем больше знаний, тем больше граждан, видящих в сонме разрозненных новостей систему, понимающих мир, в котором они живут.

**УДК 316.443
ББК ТЗ(2)74**

© **Валянский С.И.,
Калюжный Д.В., 2018**
© **Издательство «Пятый Рим»™,
2018**
© **ООО «Бестселлер», 2018**

ISBN 978-5-9908267-8-6

Вступление

Особенность социальных наук в том, что объекты их исследования — точнее, представители тех или иных социальных групп — способны сами рассказать о себе. Это, с одной стороны, благо. Представьте, насколько легче жилось бы ботаникам, если бы цветочки сами нашёптывали им, как они себя чувствуют и как понимают своё место в мире. Но с другой стороны — это источник дополнительных трудностей и заблуждений учёных-гуманитариев. Главным в изучении общества оказывается умение отделить то, что система представляет собой на деле, и то, что она о себе «говорит».

Весьма часто учёные отделяют нужное от ненужного неправильно, к тому же, бывает, одни специалисты воспринимают факты иначе, нежели другие, и в этом причина неудач многих теоретических дискуссий: люди просто спорят о разном.

Например, десятилетиями спорят, сравнивая экономические системы, и никак не сойдутся во мнениях. Почему? Оказывается, одни говорят о «качестве продукции», другие — об «экономическом росте», третьи — о «справедливости». Спорщики из числа простых людей просто сравнивают личный опыт: кто-то был неплохо устроен при социализме, а кто-то сумел нажиться позже. Есть и такие, чей личный опыт негативен в любом случае. А молодые спорят, оперируя суждениями то тех, то других, поскольку своего опыта жизни в прежние времена не имеют.

Найдут ли они общую точку в споре?.. Вряд ли.

То же самое происходит с рассуждениями о коррупции. Не найти ни одной газеты, которая хотя бы раз не коснулась

этой темы. Всем известно, что в коррупции то и дело уличают депутатов, министров, судей, прокуроров, муниципальных служащих, офицеров и генералов. И вот в газетах и прочих СМИ выступают депутаты, министры, судьи, прокуроры, служащие, офицеры и генералы. Они обличают коррупцию, поддерживая инициативы по борьбе с нею.

Сколько коррупционеров среди этих обличителей? Неизвестно. Может, один на тысячу, а может, каждый второй. «За» коррупцию не выступает никто, все — «против». И все одинаково сокрушаются, говоря: «Власть поражена коррупцией». Ну, вроде как здоровое картофельное поле — колорадским жуком. Для борьбы с тем «жуком» депутаты, министры, прокуроры и прочие создают советы, комитеты и комиссии. Но можно ли верить словам обличителей коррупции? Не она ли, высшая российская бюрократия, — рассадник зловредного «жука»?.. Сложно отделить правду ото лжи, когда о себе и своей деятельности рассказывает сама система.

Российская коррупция на протяжении пятнадцати — двадцати лет после развала СССР всё больше и больше становилась повседневной, обычной, не пугающей. Но с тем, что стало привычным, уже не борются! Призывы к борьбе превращаются в пустой шум, на который не обращают внимания, или, видя разницу между заявляемым и реальным, привыкают к двоемыслию. Власть обещает победить взяточничество?.. Сообразительные смекают, что ставки возрастут. В «верхах» заговорили о новых формах государственных организаций? Понятно: ждём возникновения института «кормлений». Объявляют о разграничении ответственности государства, бизнеса и населения? Готовимся к тому, что бесплатные медицина и образование исчезнут и останутся только платные услуги. Переводят техосмотр автомобилей в частные руки? А он и так уже в частных руках...

Люди зачастую перестают понимать, а что же такое коррупция — и правильно ли некоторые, ставшие обыденными отношения называть этим словом.

Рост оборотов теневой экономики — это коррупция.

Подкуп избирателей — это тоже коррупция.

Необъяснимый рост тарифов — коррупция.

Включённость чиновников и фирмачей в сеть взаимных услуг — коррупция.

Приём начальства «по высшему разряду», когда расходы не предусмотрены сметой, — это форма взятки. Ситуация, когда одно и то же лицо одновременно занимает важные посты и в государственном, и в коммерческом секторах экономики, — это коррупция, даже если чиновник не принимал взяток.

Кумовство; оплата коммерсантами политических акций; переход госчиновников на руководящие должности в корпорации; перевод госимущества в акционерные общества; незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях; приватизация «в свою пользу»; предоставление льготных кредитов, заказов и т. п. — всё это коррупция.

Коррупция (от лат. *corruptio* — разложение, подкуп). Обще­ственно опасное явление в сфере политики или гос. управ­ления, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно выражающееся в подкупе этих лиц.

Большой юридический словарь

Бывает коррупция государственная (продажный госаппарат), коммерческая (продажные менеджеры фирм) и политическая (продажные политиканы и депутаты). Бывает — «верхушечная» и бытовая.

ВСТУПЛЕНИЕ

В нашей книге мы постараемся показать, отчего столь живуча коррупция, какие силы её поддерживают и раздувают и что им противостоит. Нам придётся вникнуть в тайны глобальной экономики и финансов, проявить интерес к юриспруденции, совершить экскурсию в дебри психологии, социологии и даже этологии. Мы приведём факты коррупции в разных странах: в США и Германии, Израиле и Италии, на Кубе и Украине.

Разумеется, особо поговорим о России. Ситуацию в ней определяют отнюдь не личностные качества взяточников...

ЧАСТЬ I

Планетарная проблема

Системы и личности

Рефлексы, условия, причины и индексы

Всё, происходящее в структурированной Вселенной, случается не просто так, а в соответствии со свойствами объекта и условиями, в которых он находится. Это верно и для неживого мира, и для биологических объектов, и для социумов. Скажем, летящий в пространстве метеорит изменит своё направление и скорость движения, если попадёт в сферу притяжения другого космического тела или если вместо безвоздушного пространства на его пути окажется атмосфера. Какой-нибудь тропический фрукт не станет плодоносить, и даже совсем зачахнет, если поменять условия его тропического существования на те, например, что свойственны приполярным областям. Человек, помещённый в иные условия существования, кроме привычных ему — да хотя бы под воду, жить там не сможет. А рыба — наоборот, сомлеет при перемещении из воды на сушу.

Чарльз Дарвин при написании своей книги «Происхождение видов»¹ исходил из того, что все живые организмы эволюционируют под влиянием внешних условий. Но ещё до выхода его книги русский биолог-эволюционист Карл Рулье развивал идеи о зависимости организма от условий его существования, допуская причинную зависимость эволюции живых форм от изменения среды их обитания.

¹ Полное название: «Происхождение видов путем естественного отбора, или выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».

То же можно сказать и о социальных объектах. Так, Л. Фейербах находил «корень религии» в чувстве зависимости людей от природы, то есть такой социальный кластер¹, как церковь, вкуче с её идеологией и пантеоном святых, появлялся и развивался в определённых условиях жизни данного социума. «...Зевса именуют *ombrios* и *hyettios* (дождливым), *irios* (посылающим попутный ветер), *astrapios* (поражающим ударом молнии), *bronton* (громовержцем). Зевса называют *georgos* (земледельцем) и *chthonios* (ср. Гесиод, Труды и дни, ст. 465), ибо он правит дождями и обеспечивает плодородие полей», — пишет Мирча Элиаде². В зависимости от условий жизни появлялись верования в богов, повелителей морей и покровителей растений...

Географические, геологические и прочие природные условия определяли развитие ремёсел, отраслей производства и торговли, средств транспорта. Демографические, финансовые и другие условия влияли и влияют на практику управления... Как видит читатель, мы подбираемся к такому управленческому феномену, как коррупция: её сути, вне изучения *условий* жизни социумов, понять нельзя.

Социология — это наука, изучающая структуру обществ, *условия* существования социальных кластеров, а также общественные процессы, протекающие при тех *условиях*, которые сложились в данный момент. Также и психология изучает реакцию человека на перемены *условий* во времени, а история — результат этих человеческих реакций, реализованных в движениях масс и сохранённых в артефактах того или иного вида.

¹ Термин «кластер» происходит от англ. cluster (рой, гроздь, гряда, скопление, группа). Под кластером вообще понимают группу одинаковых или похожих объектов, собранных вместе [The American Heritage Dictionary of the English Language, 2000].

² См.: Мирча Элиаде, «Трактат по истории религий».

Вряд ли кто-нибудь будет возражать, что нормальное государство живёт с труда собственных граждан. Только труд создает необходимые обществу ресурсы для самообеспечения, а потому умение народа трудиться и умение государства организовать этот труд — гарантия выживания сегодня и завтра. Но если коллективный и индивидуальный труд, чтобы стать эффективным и полезным для общества, должен быть определённым образом организован, то, значит, необходимы определённые правила, в соответствии с которыми происходит взаимодействие между людьми, а также нужны структуры, обеспечивающие выполнение этих правил. Всё это определяет «границные условия» существования страны.

Созданием этих условий, со всеми присущими государству пропагандистскими и воспитательными атрибутами, можно добиться того, что воры и попрошайки будут «перековываться» в героев войны и труда — об этом писал на заре советской власти в своих книгах А.С. Макаренко. А ворами, кстати, его воспитанники стали, когда их прежняя нормальная жизнь была заменена (помимо их воли, разумеется) условиями Гражданской войны, безотцовщины и нищеты... А можно создать такие условия, при которых герои превратятся в казнокрадов и взяточников. И это тоже было сделано при советской власти, полвека спустя после воспитательных опытов Макаренко.

Вот пример такой «обратной перековки», взятый нами из интервью Владимира Калининченка, бывшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР:

«...Был арестован начальник “Рыбпромсбыта” Рогов. На его место из Украины пригласили Ивана Фёдоровича Денисенко, начальника всесоюзного объединения “Азчеррыба” в Севастополе. Это был заслуженный, очень яркий, одарённый человек, который прошёл всю Великую Отечественную войну — у него разве что звания Героя Советского Союза не было. О нём ещё в 42–43-м годах газеты писали... Так вот, Денисенко

арестовывал я. Придя на место Рогова, он перенацелил на свой кошелёк, переподчинил себе всех взяточдателей из Украины, Грузии, южного региона России и продолжал в Москве славное дело предшественника...»¹

Коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда публичные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение публичных функций, используют своё служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах.

Трактовка профессора Б.В. Волженкина (1937–2008)

Для коррупции социологи находят множество причин. Иногда их группируют, выделяя причины экономические, институциональные и социально-культурные. Но никак не удаётся добиться абсолютно непротиворечивой картины: приходится для каждого случая коррупции выбирать одни причины, отбрасывая другие.

Так, среди *экономических причин* отмечают прежде всего низкие заработки госслужащих и их высокие полномочия по влиянию на деятельность фирм и граждан. Однако берём конкретный пример коррупции, множество проявлений которой отмечено в США при реализации программы льготного предоставления жилья нуждающимся семьям. Очевидно, что она объясняется «высокими полномочиями» бюрократов и не объясняется их «низкими заработками». Берём другой пример: «низовое» взяточничество в России, например, в муниципалитетах при постановке на такую же, как в США, льготную очередь. Здесь важнее «низкие заработки», а «высокие полномочия» лучше даже не упоминать.

У российских «верховников» — чиновников высшего эшелона — зарплаты, с учётом доплат и льгот, весьма вы-

¹ Первый национальный канал украинского телевидения, 7 ноября 2004 года.

соки. Это не мешает им присваивать себе государственную собственность, обирать частных лиц. В докладе Национального антикоррупционного комитета (НАК) «Коррупция — угроза номер один для России» читаем: *«Коррупционные механизмы, перераспределяя колоссальные средства, действуют против беднейших слоёв населения. Коррупция подстёгивает несправедливое перераспределение средств в пользу узких клановых групп, усиливая имущественную поляризацию общества, дезорганизуя социальные функции государства. Не случайно экономический рост в стране сопровождается ростом дифференциации доходов».*

Вот причина взяточничества — рост разницы доходов между богатыми и бедными, а не маленький размер оплаты! В условиях «роста разницы» коррупционером становится тот, кто хочет оказаться в группе с растущими доходами...

Среди *институциональных причин* называют такие: высокая степень закрытости работы ведомств, громоздкая система отчётности, непрозрачность системы законодательства, слабая кадровая политика государства, позволяющая продвигаться по службе вне зависимости от действительных результатов работы бюрократов. По сути — это описание *условий*, о важности которых мы только что говорили.

Социально-культурные причины: слабая информированность граждан и общественная пассивность в отношении своеволия «власть имущих». Эта причина — что совершенно очевидно — возникает как раз *в условиях* непрозрачности и закрытости системы власти.

КОРРУПЦИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

...Сперва уголовное дело пытаются закрыть до суда — дают взятку дознавателю или следователю, и она делится между оперативниками, рассказывает бизнесмен, неоднократно сталкивавшийся с подобной ситуацией. Защитнику проще договориться с прокуратурой или милицией и закрыть дело до суда, подтверждает один из адвокатов.

Взятки в судах более распространены в экономических спорах, говорит другой юрист, причём крупные хозяйствующие субъекты часто «договариваются» напрямую, а людям попроще приходится действовать через адвоката. «Проверенного» адвоката рекомендует следователь, добавляет бизнесмен, но «подмазать» можно и через секретаря суда. Победа в суде не гарантирует исполнения его решения: приходится стимулировать и судебных приставов, сетуют собеседники газеты.

В арбитражных судах положение меняется к лучшему, но до недавнего времени размер взятки за вынесение решения об аресте активов по рядовому делу составлял 30–50 тыс. долларов, сообщает юрист, работающий в арбитражной сфере; за возможность связаться с судьями платили от 30 тыс. долларов, по скандальным делам взятки доходили до 200 тыс. долларов, а в кассации — до 300 тыс. долларов.

NEWSru.com // Новости России, 25.05.2007

Важный вопрос: как получать данные для сравнения коррупционных объёмов по годам или для определения степени развития коррупции в разных странах. Один из способов — изучение криминальной статистики. Она даёт количество задержанных и суммы взяток; количество осуждённых, сроки наказания, суммы конфискации.

Но есть трудности. Во-первых, криминальная статистика показывает количество *выявленных* преступлений, но оставляет в стороне вопрос, а сколько же их всего. Во-вторых, в разных странах и в разные времена раскрываемость может сильно различаться, хотя бы в силу коррумпированности самих органов правопорядка.

Парадокс в том, что если коррупция становится тотальной, то в гипотетическом случае она захватывает и правоохранительные органы тоже, и криминальная статистика может показать снижение коррупции. Это понятно: чиновник-взяточник получает возможность откупиться от привлечения к ответственности, подкупив следователя, прокурора или судью и, соответственно, не попадёт ни в какую статистику.

Гипотетическим мы назвали этот случай потому, что хоть кого-то правоохранителям ловить придётся, потому что ина-

че у них упадут «показатели», их перестанут бояться и не станут платить. Или взятки могут оказаться не всем по карману. И тогда тех, кто не сможет платить, и будут сажать. Возможно, даже сегодня большинство сидящих просто не имеют денег на взятку, а те, кто имеют деньги и платят, не сидят.

И кстати, в ходе идущих внутри страны экономических и политических войн ничто не мешает «органам» заводить дела против людей ни в чём не повинных или привлекать к ответственности (за взятку, разумеется) действительных коррупционеров только потому, что они перебежали дорожку другим коррупционерам.

Кроме изучения криминальной статистики, выяснить степень коррумпированности можно через социологические опросы и экспертные оценки.

В последнее время наиболее авторитетны расчёты *индекса восприятия коррупции* (Corruption Perceptions Index — CPI), выполняемые организацией Transparency International (в буквальном переводе — «Международная прозрачность»). Эта некоммерческая неправительственная организация интегрирует данные социологических опросов, проводимых в разных странах по единой методике.

Рассчитывать индексы начали с 1995 года, и постепенно расширяли охват: в 1995 году CPI был рассчитан для 41 страны мира, в 2003-м — для 133, в 2006 году охват составил 163 страны, в 2007-м и 2008-м — 180 стран, в 2014-м — 174 страны.

По сути, индекс представляет собой сведённые в один показатель субъективные мнения опрошенных бизнесменов и аналитиков и показывает склонность чиновников разных стран брать взятки. Страны оцениваются по 100-балльной шкале, где сто баллов означают полное отсутствие коррупции, то есть наиболее высокую «прозрачность» экономики, а 0 баллов — самую высокую степень коррупции. Правда, на первых порах шкала была 10-балльная, а индексы писали

через запятую, с десятичными знаками. Потом на запятой решили сэкономить и перешли на сто баллов.

Флер достоверности результаты анализа субъективных мнений приобретают из-за того, что при их оформлении применяется математика, а человек верит авторитету точных наук. Однако если двести пятьдесят человек из четырёхсот опрошенных заявят, что лично только что дали взятку (а поди проверь!), то с помощью математики легко высчитать, что 62,5 % граждан дают взятки. Зная, кто из этих двухсот пятидесяти сколько дал (с их же слов), можно умножить полученную в результате расчёта среднюю сумму на количество живущих в стране граждан или поделить на число чиновников — можно вообще играть с цифрами как угодно. Остаётся вопрос: а можно ли верить каждому из этих признавшихся.

Для примера, сотрудники фонда ИНДЕМ, основываясь на таких признаниях, высчитали, что в 2001 году в России на одну среднюю взятку можно было купить тридцатиметровую квартиру среднего качества, а спустя четыре года — уже квартиру площадью более двухсот метров. Так, не сходя с места, эти сотрудники увеличили оценку коррупции в нашей стране почти в семь раз.

Да, коррупция есть и растёт, но субъективности ответов никакой математикой не исправить. Ведь точно так же можно проводить опросы об инопланетянах. Тысячи людей заявляют, что видели их. Вполне можно систематизировать полученные данные, подвергнуть их математической обработке и объявить, каков физический рост инопланетян, их вес, чем они питаются, как настроены по отношению к землянам. Это будет очень интересно и совершенно бесполезно. Другое дело, если удастся изучить хотя бы одного конкретного инопланетянина: полученные материалы перевесят все опросы. Такое же соотношение достоверности/недостоверности — между судебной практикой и расчётами, выполненными на основе опросов населения, причём небольших его групп.

Вдобавок при опросах срабатывает «эффект причастности»: если спрашивают о коррупции, то нельзя же выглядеть несведущим. Каждый участник опроса читает газеты, смотрит телевизор, и у него сформировалось уже мнение, что коррупция велика. Так формируются условия проведения опроса — а мы уже видели, сколь важны условия, в которые поставлен человек.

В марте 2008 года Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) провёл опрос (опять опрос!) взрослых россиян в 46 регионах страны. Респондентов спрашивали: «В какой мере Ваши представления о коррупции в России связаны с информацией, полученной ...?»¹

2007	от друзей и близких	на работе	из того, что Вы видите на улице, вокруг себя	из телевизора и газет
в значительной мере	30	17	22	53
в какой-то мере	42	32	38	34
незначительно	15	18	20	8
совершенно не связаны	9	19	12	3
затруднились ответить	4	15	18	3

Примечание: данные округлялись, поэтому сумма ответов по столбцам может не быть точно равной 100 %.

Как видим, информацию о коррупции более половины россиян получают из СМИ, ещё треть — от друзей и знакомых (из которых точно так же более половины узнают о ней из СМИ). Можно предположить, что примерно такое же соотношение мы обнаружим и в других странах. Таким образом, даже если в реальности объёмы коррупции не растут, то

¹ Полит.ру, 15 июля 2008 года.

чем активнее СМИ будут сообщать о ней, тем более высокий уровень покажут опросы. А если газеты вообще перестанут о ней писать, то страна очень быстро выйдет в лидеры по коррупционной чистоте своих бюрократов.

Ещё одна придумка Transparency International — индекс взяткодателей (Bribe Payers Index — BPI). Если CPI показывает мнение граждан разных стран о склонности их чиновников брать взятки, то BPI оценивает склонность предпринимателей давать взятки. Здесь тоже 100-балльная шкала, и чем ниже балл, тем выше готовность подкупать.

В 2002 году высокий уровень готовности компаний давать взятки показали Россия и Китай, Тайвань и Южная Корея; следом за ними шли Италия и Гонконг, Малайзия и Япония, США и Франция. Но быстро выявился «разнытик»: оказалось, что некоторые страны, практически коррупционно чистые согласно CPI, по BPI выглядели как раз плохо. Такое несоответствие наблюдалось в отношении Сингапура, Японии и Тайваня.

Помимо CPI и BPI, для сравнительной оценки развития коррупции придуманы и иные показатели: индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom), барометр мировой коррупции (Global Corruption Barometer), индекс непрозрачности (Opacity Index), Международный обзор жертв преступности (International Crime Victim Survey, ICVS). Они тоже часто противоречат показателю CPI.

Применяется ещё такой индекс, как «Личный опыт в правительственной коррупции», в котором учитываются ответы на вопрос: «В прошлом году приходилось ли вам или членам вашей семьи уплачивать деньги правительственным должностным лицам (помимо налогов), преподнося им подарки или оказывая им какие-либо услуги, с тем, чтобы получить определённую выгоду?» Ответить можно: «часто», «несколько раз» или «раз или два», и надо указать, в какой области получена выгода: «На рабочем месте», «Социальные платежи,

пенсии или ссуды», «Электро- и водоснабжение», «Жилищное строительство и землеотведение». Средний показатель высчитывается в процентах.

И оказалось, что в Намибии индекс CPI был вчетверо выше среднего показателя практического опыта, а в Ботсване восприятие коррупции превышало опыт в сорок раз! Это подтверждает, что мнение людей о коррупции часто базируется на сообщениях СМИ и различных слухах, а как только доходит до учёта личного опыта, ответы меняются.

Технология сведения данных в единый индекс восприятия коррупции позволяет подгонять его под любой нужный составителям результат. Это чистейшее шарлатанство, не отражающее реального положения дел в разных странах. В действительности же, как показывают опросы национальных социологических служб, уровень восприятия (именно восприятия) коррупции в России, ЕС и США практически не отличаются.

В России, согласно опросу Левада-Центра, 76 % граждан считают, что органы власти поражены коррупцией в значительной мере или «сверху донизу».

В США, по данным опросов Американского института общественного мнения Gallup, в 2014 и 2015 годах около 75–80 % граждан считали власти США коррумпированными.

В Евросоюзе, по данным опроса службы «Евробарометр» в середине 2010-х годов, 76 % жителей считали, что в их странах коррупция «распространена широко».

72 % жителей Израиля считают свою страну коррумпированной. А между тем в таблицах «восприятия коррупции» Transparency International за 2016 год у неё 28-е место.

Но как только в России, США или странах ЕС начинали задавать более конкретные вопросы: приходилось ли респондентам лично сталкиваться с коррупцией, или давать взятки, или они знают кого-либо, кто давал взятки, — то доля поло-

жительных ответов оказывалась минимальной. Например, 78 % граждан России за последние три года не давали взятку и подношений в органы власти. А из тех, кто «давал», подношения именно в органы власти составляли 1–2 % или меньше. И при этом большинство уверено, что органы власти в РФ тотально поражены коррупцией!

Каждый год российские аналитики и журналисты, изучив доклады Transparency International, все как один грустят, сколь ужасно выглядит на фоне Европы наша страна. А мы грустить не станем, зато зададимся вопросом: какова практическая польза от этих расчётов? Старейший наш правовед Б.В. Здравомыслов ещё в 1991 году отмечал: «Весь государственный аппарат представляется подчас народу как структуры, состоящие из взяточников»¹. Восемь лет спустя, в 1999 году, мнение народа было тем же самым, а по данным МВД фактов взяточничества было выявлено на 18,3 % больше, чем в предыдущем, 1998 году. И через десять лет мнение было всё то же, всех новинок, так это появление индексов взяточничества, взяткодателей, непрозрачности и т. д. — но какова от них польза?

Поскольку применение коррупционных индексов в практической деятельности нашим законодательством не предусмотрено, нам остаётся одно: вставлять громадные простыни таблиц в рамочку и вешать на стену, а через год, когда их мухи засидят, снимать и менять на новые. Тем более мы отметили ещё не все противоречия этих расчётов и таблиц.

Аналитики же, глядя на них, делают такие выводы: бедность и коррупция идут рука об руку; наиболее коррумпированы развивающиеся страны с низким уровнем жизни; в постсоциалистических странах коррупция тоже довольно высока. Эти выводы появляются на страницах газет и даже попадают в энциклопедии! Так, в энциклопедии «Круго-

¹ См.: Здравомыслов Б.В. Квалификация взяточничества. М., 1991, С. 3.

свет» утверждается наличие двух универсальных закономерностей: а) коррупция *обычно* выше в бедных странах, но ниже в богатых; б) коррупция *в целом* ниже в странах западноевропейской цивилизации и выше в периферийных странах.

После этого даже беглый взгляд на расчёты Transparency International окончательно сбивает с толку: например, промышленно развитая Германия и богатая нефтью Норвегия имеют «коррупционный» балл того же уровня, что и бедная Ирландия, а богатые США по честности чиновников от Ирландии отстают. Богатая цивилизованная Франция и периферийные по отношению к Западной Европе Чили и Уругвай имеют одинаковый балл, а ситуация в Италии хуже, чем в южноафриканской Ботсване...

Простейшие размышления должны с неизбежностью привести любого человека к выводу, что степень коррумпированности бюрократии той или иной страны зависит не от богатства страны или её принадлежности к западноевропейской или иной цивилизации, а от национальной культуры, практики хозяйствования, образованности и нравственности населения, политики правительства и много ещё от чего.

В нашей книге мы в дальнейшем будем ссылаться на индексы Transparency International — во-первых, нет практически ничего другого (кроме расчётов Фонда ИНДЕМ, о которых мы тоже поговорим), во-вторых, они всё же отражают мнение жителей разных стран о коррупции в их странах.

Статистика знает не всё

В предыдущей главе мы не очень лестно отозвались об опросах и аналитических обзорах. Но у них всё же есть своя ценность. Надо только понимать, в чём она: не в расчёте абсолютных, а на деле — высчитанных на базе субъективных

мнений цифр, а в определении тенденции. Скажем, из опросов можно сделать вывод, что граждане готовы отказаться давать взятки везде, где есть альтернативные способы решения проблем. И вот без всякой математики исследователи делают очень полезный вывод: «Власть наращивает коррупционное давление на граждан, а граждане бегут от коррупции. Если раньше можно было спекулировать на том, что в коррупции виноваты как берущие, так и дающие, то теперь этот тезис просто противоречит фактам»¹.

Полезными представляются опросы, изучающие взяточничество по уровням распространения: низовое (население и конторы, с которым оно напрямую связано); деловое на местах; деловое на федеральном уровне. Очень важно сообщение, что на рынке деловой коррупции идёт уменьшение среднего числа взяток при увеличении сумм: можно сделать вывод, что коррупция охватила уже весь аппарат.

Гендерные исследования (изучение особенностей поведения людей разных полов) дают просто-таки удивительные результаты. Оказывается, женщины куда меньше мужчин склонны к нарушениям закона. Чтобы узнать это, не нужно опрашивать прохожих на улицах: на этот счёт имеются вполне объективные данные. На 1 сентября 2003 года во всех «тюремных» учреждениях России, в следственных изоляторах и колониях содержалось 860 640 человек, из них женщин 49 442 (в том числе 39 832 в колониях и 9610 в СИЗО), или 5,74 % от всего количества. Такая же картина и в других странах. В США на январь 2004 года женщины составляли 8,1 % всех заключённых, в Азербайджане, Грузии и Пакистане по 1,7 %, а больше всех в мире — 19 % — подследственных и осуждённых женщин в Таиланде².

¹ Лашков С. О коррупции в современной России. KORRUP.RU, 26 марта 2006 года.

² По данным Международного центра тюремных исследований (ICPS).

Волей-неволей подумаешь, не здесь ли скрывается решение проблем взяточничества. Взятка — это преступление. Россиянки в среднем совершают преступления в шестнадцать раз реже мужчин. Если назначать на ответственные посты исключительно женщин — вдруг и взяточничество упадёт в шестнадцать раз?.. Вывод неверный: упасть-то упадёт, но не в шестнадцать раз. Дело в том, что если женщин-преступниц в среднем 5,74 % от всех преступников, то удельный вес женщин-взяточниц — 30 % от всех взяточников, 36 % среди виновных в злоупотреблении должностными полномочиями и 49,3 % среди совершивших халатность.

Ту же пропорцию в отношении женщин ко взяткам показывают опросы. Из москвичей, принявших участие в опросе, проведённом независимым исследовательским центром РОМИР, 79,5 % заявили, что если бы они были чиновниками, то не брали бы взятку. А 8 % респондентов признались, что взяли бы деньги не задумываясь: и из них мужчин оказалось вдвое больше, чем женщин — 66,7 % против 33,3 %.

Сама природа снабдила мужчин и женщин разными поведенческими программами. При перемене внешних условий женщины приспосабливаются к ситуации сами, а мужчины придумывают какое-то новшество, чтобы приспособиться к ней. Например, идёт похолодание. У женщины увеличивается подкожная жировая прослойка, а мужчина придумывает, как использовать для обогрева огонь или шкуры. Мужчина «изменяет» окружающее пространство; женщина в нём живёт.

Это — природная особенность полов.

Всякое дело начинается с нахождения новых решений; и лишь потом происходит их освоение и использование. Специалисты выявили мужское преимущество на первом этапе, и женское — на втором. Мужчины первыми осваивали все профессии и виды спорта. Например, вязание, в котором

сейчас держат монополию женщины, изобрели в XIII веке мужчины Италии. Они же придумали бухгалтерский учёт; а ныне этой кропотливой работой занимаются почти исключительно женщины. В XIX веке учителями в школе были сплошь мужчины; теперь это в основном женская профессия.

Мужчины чаще страдают «болезнями века»: атеросклерозом, раком, шизофренией. Они больше подвержены и социальным порокам: алкоголизму, курению, наркомании, азартным играм и т. д. А склонные к конформизму женщины в «освоении» социальных болезней, в том числе курения и взяточничества, «идут» за мужчинами.

Пётр I во время своего пребывания в Англии (в 1698 году) за 20 тысяч фунтов стерлингов уступил англичанам монополию на ввоз в Россию табака. Но при условии, что деньги, полученные от продажи табака у нас, будут израсходованы на покупку русских товаров. И стал внедрять курение среди подданных — для ускорения торговых оборотов, а не чтоб здоровье подданных подорвать глупости ради. Начавшись от высших сановников, курение медленно-медленно «пошло в народ»: закурили чиновники, мещане, промышленники, рабочие и, наконец, крестьяне. Исключительно мужчины. Курящая женщина даже в середине XX века была редкостью. А сегодня медики констатируют, что доля курящих женщин почти сравнялась с долей мужчин.

Аналогичная история — со взяточничеством. Разница лишь в том, что курение внедрялось «легально», через рекламу на улицах и в модных женских журналах, а взяточничество распространялось подспудно. То, что взяточниц пока «всего» 30 %, не должно нас успокаивать, смотреть надо не на цифру, а на тенденцию. Женщины в своём поведении следуют за мужчинами, то есть показатель развития идёт от мужчин к женщинам, а потому рост числа взяточниц сигнализирует о том, что в обществе это поведение входит в норму.

**КОРРУПЦИЯ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ****На Ирину Роднину подают в суд**

Ирина Роднина, трёхкратная олимпийская чемпионка по фигурному катанию, считает, что приход в большую политику женщин — факт скорее положительный, нежели отрицательный. «Вы практически не найдёте женщин-взяточников, жуликов — это в основном мужчины. Женщина, идя в политику, делает это абсолютно сознательно, для женщины политика — не игра, а серьёзное решение», — высказалась Роднина по этому поводу в интервью питерской газете «Смена».

Эти её слова послужили основанием для судебного иска.

В Санкт-Петербургский городской суд на имя Ирины Константиновны Родниной поступило исковое заявление от ветерана войны Бориса Николаевича Рябова. Истец почувствовал себя персонально оскорблённым, прочитав в номере газеты вышеуказанные слова. Ветеран войны считает, что такая позиция унижает мужчин, а «подобного рода утверждения наносят непоправимый вред чести и человеческому достоинству, заставляют сомневаться во мне, как в мужчине, окружающих меня женщин, моих любимых и верных подруг и дочерей».

DNI.RU, 05.11.2003

Много для понимания происходящего в человеческом обществе даёт наука этология. Этологи изучают поведенческие программы животных. Работать им, судя по всему, легче, чем социологам — специалистам по взяткам, потому что зверьё куда искреннее взяточников — оно хоть и помалкивает, но и не пытается врать. И вот этологи обнаружили, что поведенческие программы образуют целую систему передаваемых по наследству знаний об окружающем мире; эти знания задают животному правила поведения, и человек в этом отношении от животного ничем не отличается.

Популяризатор этологии Лев Шильник сообщает: «Если суммировать все доступные на сегодняшний день количественные показатели биологического сходства человека с остальным животным миром, то... с полным правом можно сделать вывод об отсутствии качественных различий между человеком и высшими обезьянами... Все имеющиеся в нашем распоряжении надёжно установленные факты в широком

диапазоне — от анатомии, физиологии и генетики до молекулярной биологии и нейропсихологии — свидетельствуют об этом совершенно однозначно».

Итак, ничто не мешает нам приложить к человеку результаты следующего опыта, который описал в статье «Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев»¹ известный российский этолог Виктор Дольник. Он рассказал, как любопытные экспериментаторы научили обезьян важнейшему для человека делу, зарабатыванию денег. Пусть не денег, но жетонов, которые обезьяны получали, качая определённое время рычаг. Разницы между жетоном и деньгами для обезьян не было никакой, поскольку на этот жетон хвостатые пролетарии могли купить в автомате то, что было выставлено на витрине за стеклом. А выставлены там были всякие вкусные штуки вроде бананов.

Что же получилось? Обезьянье сообщество сразу разделилось на три группы. Первая группа — рабочие. Некоторые (прагматики) качали рычаг, получали один жетон, сразу покупали себе банан и съедали его; другие (трудоголики) работали дольше, чтобы накопить жетонов побольше. Вторая группа: иждивенцы. Эти рычага качать не желали, а кушать им хотелось, и они попрошайничали, кланча у тружеников бананы. Третья группа: грабители. Эти сначала без всяких затей грабили и прагматиков, и трудоголиков, и попрошаек. Но потом они сообразили, что лучше отнимать не бананы, а жетоны, потому что их можно хранить за щекой и тратить в желаемый момент — а больше всего жетонов было у трудоголиков. Поэтому грабители бросили прагматиков и попрошаек с их жалкой добычей и сконцентрировали всё своё внимание на трудоголиках.

Трудоголики немедленно перестали копить жетоны впрок, а стали качать рычаг ровно столько, чтобы зарабо-

¹ См. <http://www.ethology.ru/library/?id=20>.

тать один жетон, быстро получали взамен один банан и тут же его съедали. Производительность труда упала, «валовой внутренний продукт» перестал расти.

Общество — это, конечно, не стая обезьян. В обществе для синхронизации интересов разных групп населения создаются аппараты власти, а парламенты для пресечения грабежей любого рода издают законы, предусматривающие наказание за такие грабежи. И вот пример с обезьянами показывает, что социум, в котором грабежом (взяточничеством и прочим подобным) массово занимаются представители аппарата власти, становится нежизнеспособным; социум скатывается на уровень обезьяньей стаи, так что мнение В.В. Путина, высказанное в его послании Федеральному собранию РФ 3 декабря 2015 года: «Коррупция — препятствие для развития России», — имеет под собой научную основу.

В связи с этим немедленное пресечение взяточничества — не исключая даже террора с физическим уничтожением взяточников — становится важнейшей задачей общества.

Кратко коснёмся свойств аппаратов власти и бюрократии.

Бюрократ (франц. *bureaucrate*) — представитель канцелярской системы управления.

Бюрократизм — управление, при котором деятельность органов исполнительной власти излишне осложнена.

Канцелярищина — неоправданный, излишний формализм в ведении дел.

Формализм — соблюдение внешней формы в чём-нибудь в ущерб существу дела.

О бюрократах говорят разное. Например, что этот слой управленцев хорош: он использует чёткую технологию прохождения дел. Есть даже мнение, что стандартизация, хотя

и приводит к бюрократизму и формализму, просто необходима, а потому бесполезно рассуждать, хороша она или плоха. Но многие высмеивают волокитчиков, формалистов и взяточников, мечтая истребить бюрократов как класс.

Наше мнение основывается на анализе математических моделей. А они показывают, что иерархическое управление в большинстве случаев порождает неустойчивость, и чем больше ступеней управления, тем меньше вероятность добиться устойчивости. Иначе говоря, многоступенчатая система неправильно реагирует на управляющий импульс и даёт неверные сигналы властной верхушке для выработки новых управляющих импульсов.

При перемене внешних условий (опять видна важность *условий!*) такая система почти со стопроцентной вероятностью войдёт в режим хаотизации. И получается, что заорганизованность и формализм мешают движению общества вперёд, а при крупных социально-экономических или экологических катаклизмах делают выживание социума невозможным. Поэтому неверно говорить, что бюрократия не плоха и не хороша. Она плоха. *Успех достигается лишь в те моменты, когда появляются люди, действующие вопреки установленным стандартам.*

Фокус тут в том, что процесс управления принципиально содержит диалектическую пару: в нём жёсткая организация должна быть дополнена инициативой сотрудников. Успех — в их синтезе. Превалирование чего-то одного ведёт либо к бюрократизму и формализму, либо к самодурству и взяточничеству. С такой точки зрения процесс управления правильнее сравнивать не с техникой и её стандартами, а с образованием или медициной. Да, имеются учебники, инструкции и т. д. Но каждый воспитываемый индивидуум, каждый оперируемый организм по-своему уникален! Есть случаи, когда только талант, опыт и знания педагога (врача) позволяют принять правильное решение.

Нельзя создать инструкции для всех случаев жизни. Жёсткая система не может управлять «живой» системой, вроде социума. Для примера, многие физические параметры и возможности человека определяются строением его скелета, но при ходьбе не скелет руководит человеком, а наоборот, живой организм руководит движением суставов.

Бюрократия может быть приемлемой при том условии, что в стране существует широкое самоуправление народа.

Макс Вебер, первым сделавший теоретико-методологический анализ бюрократии, считал, что строгое соблюдение формально-рациональных норм, правил и установлений, позволит устранять возможные индивидуальные отклонения в процессе выполнения бюрократами своей работы, приведёт к успешности в деятельности различных звеньев государственной системы в целом. Опыт опроверг его мнение: мы спустя сто лет гадаем, как изжить волокиту, формализм и взяточничество!

В чём ошибка Вебера?

В излишнем увлечении механицизмом. Нужны механизмы не управления, а самоорганизации, самоуправления и саморегламентации, которые могли бы меняться под действием внешних условий, сами собою отслеживая эти изменения.

Если есть чётко организованный аппарат и талантливые управленцы, то происходит вот что: аппарат сохраняет наработанный общественный порядок, а управленцы указывают, куда развиваться дальше, вопреки стремлению бюрократии закуклиться в достигнутом и скатиться ко взяточничеству. Проблема лишь в том, что управленцы вырастают из чиновников аппарата, а в аппарате талантов, как правило, подавляют.

«Особость» бюрократического аппарата в том, что он проводит властные идеи вниз (к народу) и транслирует «народные чаяния» вверх (к властной группе), и тем самым оказывается связанным со всеми органами и гражданами страны. В итоге любой чиновник выглядит в глазах простого человека

единой властью. Но власть не существует сама по себе, она всегда выражает чьи-то интересы, работает в интересах каких-то сил и может быть их частью. Она лишь *в идеале* обеспечивает синхронизацию интересов разных общественных групп страны, в реальности же масса случаев, когда управленцы действуют в интересах одних групп, подавляя другие вопреки нуждам страны и народа. Вплоть до того, что она может выражать интересы сил, находящихся за пределами страны.

Профессор Дальневосточного университета В.А. Номонов высказал давно известную истину (которой отнюдь не торопятся следовать некоторые руководители):

«Государство не должно смешиваться (спутываться) с рыночными механизмами, становится обычным участником торгов. В России главным источником коррупции... является вовлечение государственных структур в механизмы распределения капиталов и товарно-денежных потоков. Государство должно только устанавливать правила игры на рынке, а не становиться обычным продавцом или покупателем, преследующим индивидуальный интерес».

Екатерина II. Из «Наказа комиссии о составлении проекта нового уложения»:

Феофил, увидя корабль, нагруженный товарами для своей супруги Феодоры, сжёг оный. Я Император, сказал он ей, а ты меня делаешь господином над стругом. Чем же могут бедные люди пропитать жизнь свою, если мы вступим ещё в их звание и промыслы? Он мог к сему прибавить: «Кто может нас воздержать, если мы станем входить в откупы? Кто нас заставит исполнять наши обязательства? Торги, нами производимые, видя, захотят производить и придворные знатные люди: они будут корыстнее и несправедливее нас. Народ имеет доверенность к нам в рассуждении нашего правосудия, а не богатства нашего. Столько податей, которые их приводят в бедность, явно свидетельствуют о наших нуждах».

Глава XIII, ст. 332

Звери социальной пирамиды

Разбираясь, откуда берётся взяточничество, надо изучать общественную эволюцию в стране и мире, используя данные не только таких наук, как психология, социология, история, экономика и философия, но и — более широко — данные естественных наук, вроде этологии и биологии, географии и даже климатологии, применять методы нелинейной физики. Философам давно уже ясно: то общее, что может быть найдено и описано в процессах эволюции в одной какой-то сфере, скорее всего, окажется идентичным в другой сфере.

Есть такое понятие — трофическая¹ пирамида: это схематическое изображение цепей питания в природе. Например, растительность африканской саванны служит источником пищи для зебр; львы поедают этих зебр, а экскременты и тех, и других попадают в почву на съедение микроорганизмам. А вот другой пример: планктон — планктоноядные рыбы — хищные рыбы — рыбаодные птицы или звери.

Ступени пирамиды образуются из так называемых консументов, а основные её ярусы состоят из: а) зелёных растений, напрямую впитывающих энергию солнца; б) растительноядных животных (это консументы I порядка); в) плотоядных животных, хищников, питающихся мясом растительноядных животных (консументы II порядка); г) плотоядных животных, поедающих хищников (консументы III порядка) — это, например, стервятники. Трофические пирамиды, в зависимости от сред обитания, бывают разными, и редко включает более пяти ярусов, а поскольку для питания консументам каждой более высокой ступени требуется много растений или животных, стоящих ступенью ниже, постольку пирамида резко сужается кверху.

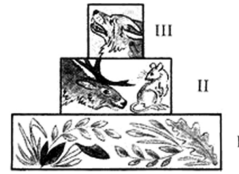
¹ От слова «трофика» — питание.

Трофическая пирамида в любой экосистеме

Модель трофической пирамиды в водной экосистеме

Модель лесной трофической пирамиды

А вот человек способен сожрать любого консумента из любой пирамиды и загадить своими отходами не только всю планету, но и ближний космос. Ещё он сумел создать социальную среду, в которой естественным образом — в соответствии с общими законами эволюции — сложилась своя, общественная «трофическая» пирамида, устроенная точно так же, как природная, то есть в людских сообществах верхние социальные элементы (начальники всякого рода) «питаются» за счёт нижних. И чем развитее общество, тем лучше питаются.

По образцу системы «пирамидного» кормления устроены цепочки в производстве и торговле и так же связаны административные центры с подчинёнными им посёлками. Если говорить именно о питании, то в самом примитивном случае каждая сотня патриархальных крестьян поставляла еду ко столу десятка «нахлебников», тех, кто еду сам не производил. В этой десятке были: староста, околоточный чин, ремесленник, поп со служкой, княжеские дружинники — два бойца-удальца и три купца. От каждого из этой десятки часть еды уходила выше: воеводе, главе ремесленного цеха, митрополиту и т. п., вплоть до высшего местного руководителя (графа, великого князя или царя).

Разница с природной пирамидой только в том, что там на нижних ступенях — трава и прочая зелень, напрямую общающаяся с Солнцем ради получения от него энергии,

а в социальной пирамиде нижний слой — это были крестьяне, те, кто непосредственно работал с природой, производя продовольствие, которое поедали их баре у них на глазах. Сейчас к крестьянам добавились прочие трудяги, и «едовая» суть пирамиды замаскировалась: теперь трудящийся, заплатив налоги, спит спокойно и знать не знает, какой конкретно стервятник строит себе виллу в штате Флорида на эти деньги...

Таким замысловатым способом мы приходим к описанию «социальных зверей» и архитектуры нор, в которых они живут.

«Социальные звери» — название, конечно, условное. В.О. Ключевский называл *это* «историческими телами»; мы в других своих книгах¹ — «общественными структурами» или «социальными кластерами», а белгородский профессор биологии А.В. Присный использует словосочетание «социальная популяция», прямо указывая на то, что в обществе сложилась своя трофическая пирамида: *«Каждая социальная популяция в процессе жизнедеятельности производит избыточную продукцию, отторгаемую от неё вышерасположенным уровнем социальных консументов, — пишет он. — В итоге формируется характерная социально-трофическая пирамида с типичными трофическими цепями и общей сетью».*

Настоящих лесных зверей мы можем описывать поштучно, примерно так: «здесь живут бобр Вася, бобр Петя, заяц Коля, лось Кеша» и т. д., а можем — как совокупности: «здесь живут бобры, зайцы, лоси». Отдельные лоси весьма разные, но в своей совокупности они усредняются до точных качеств. Мы заведомо знаем, что лось не станет лазить по деревьям, мяукать и клевать зерно. Короче, царство

¹ Напр., см: Валянский С.И., Калужный Д.В. Понять Россию умом. М.: Алгоритм, 2001. Валянский С.И., Калужный Д.В., Недосекина И.С. Введение в хронотронику. Путь к оптимальному развитию. М.: АИРО-XX, 2001. Калужный Д.В., Валянский С.И. Деньги, которые мы выбираем. М., 2015.

Animalia (животных) зоологи давно классифицировали: каждый класс делится на отряды, отряды — на семейства, а эти последние на роды, виды и подвиды. Примерно так же социологи поделили человечество (вспомним лозунг былых времён: «Коммунистическая партия — передовой отряд рабочего класса»).

Жаль только, социологи не довели работу до конца. Они не показали, что, как и в биологии, общественные сообщества — конфессии и профсоюзы, армия и флот, отрасли производства и политические партии, научные школы и полиция, нации и народности эволюционируют сходно с классами — подклассами — отрядами животных.

В природе выживает не отдельная особь, а совокупность — вид или популяция, и другой цели, кроме выживания, у популяции нет. Так и в обществе у каждого социального кластера единственная цель — собственное выживание. Чтобы сохраниться, они конфликтуют между собой или дружат; таятся или нагло настаивают на своём, хитрят или нападают открыто, а интересы отдельной особи, как и интересы всего народа, всей страны при этом учитываются не всегда. Случись война — высшая стадия конфликта — тут уж интересы всех социальных кластеров страны будут подавлены одним, военным, а что до отдельных граждан — так «дан приказ: ему на запад, ей — в другую сторону». Хочешь ты, не хочешь, а будь добр умереть за Отечество.

«Вышесказанное позволяет заключить, что законы социальной экологии являются лишь частным выражением общеэкологических законов», — пишет А.В. Присный. Он тут не прав только в том, что сводит социальные отношения к биологическим. На деле социальные системы существенно сложнее биологических. Но направление уловлено верно: не разум отдельного человека, будь он наследным монархом или демократически избранным президентом страны, и не какой-то «общественный разум» (такового просто не суще-

ствуует в природе) руководят возникновением и разрушением общественных структур — что, собственно, и составляет суть истории, — а эволюционные законы, единые для всех природных и общественных объектов на нашей планете!

В этом смысле людские сообщества ничем не отличаются от колонии муравьёв или роя пчёл, а уж поискать совпадения в жизни львиных прайдов и жизни околовластных структур (партий с их молодёжными отделениями, профсоюзов, парламентских комитетов и подкомитетов и т. д.) — одно удовольствие.

Вдобавок (как показывает наука этология) поведение конкретных людей, составляющих костяк социальных кластеров, тоже зависит от срабатывания природных программ, а не от «высокого разума». Впрочем, Зигмунд Фрейд ещё в конце XIX столетия, за полвека до появления этологии говорил, имея в виду поведение человека: «Я открыл, что человек — это животное». А то, что зоологически человек принадлежит отряду приматов, ещё раньше определили Карл Линней и Чарлз Дарвин.

Лиса, увидев мышь, зайца, того же лося или охотника, будет вести себя по-разному. На мышь может не обратить внимания, за зайцем кинется в погоню, лося obeжит (чтоб не задавил), от охотника спрячется. Не потому, что она успевает проанализировать ситуацию, а инстинктивно: она поступает так или иначе, потому что живёт среди зверей.

А человек живёт среди «социальных зверей», то есть общественных структур. И по-разному реагирует на представителей разных структур. Водитель на дороге, например, совсем не такотреагирует на гаишника, который машет ему жезлом, чем на голосующую юную деву. А на деву — не так, как на инвалида. Почему? Спросите, он найдёт слова, чтобы вам ответить. Высокий наш разум и тонкие наши чувства весьма годны на то, чтобы украшать инстинктивные решения словесными кружевами!

Но человек даже эти инстинктивные решения принимает, исходя не из реальной ситуации, сложившейся вокруг него, а из своих *представлений* о том, что происходит и что должно произойти. Степень же точности его представлений обычно низка, он это чувствует и склонен доверять мнению «авторитетов», элитных людей, но и авторитетов для себя толком выбрать не может. В общем, лиса функционирует надёжнее человека.

Царство Animalia — животных выстроено очень гармонично: если к зверям не лезть с советами, они могут прекрасно устроить свою жизнь. Люди в старину это знали и слагали о зверях сказки. А надо заметить, сказки тогда были не то что теперь. В старые времена никому и в кошмаре не приснился бы мультипликационный мышонок, шинкующий ножиком kota, или черепашка-убийца, или дятел, продолбивший своей дуростью мозги всем окружающим. Люди знали, что каждый зверь живёт в соответствии с природными правилами. Евангелие от Матфея в притче про волка, надевшего овечью шкуру («Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»), показывает максимум беспорядка в природе, какой только могли себе тогда представить. Впрочем, эта притча не о зверях, а о людях.

Что ж, позволим и себе небольшую притчу.

Предположим, существует некая структура, созданная аж царём Косарём с задачей приносить пользу людям. Например, дорожным движением руководить, чтоб заторов не возникало. Появилась она так. Попал однажды царь Косарь в пробку — несколько телег сцепились дышлами и ни туда ни сюда. Велел тогда царь: пушай, дескать, впредь три стрельца посменно за дорогой следят, чтоб заторов бы не возникало. Ну а буде кто из ездоков поведёт себя так, что затор-то возникнет, — того наказывать розгами.

Много с тех пор годков прошло, многое изменилось. Вместо телег — автомобили. Вместо тех дорог ужасных — асфаль-

товые да бетонные шоссе. Вместо трёх стрелцов — могучая федеральная служба с разветвлённой системой наблюдения и сигнализации.

Неизменной осталась только главная задача: чтоб заторов не возникало.

А теперь представьте, что сначала один-два, потом всё больше и больше — и, наконец, всюду там засели взяточники: начальник взяточник, все его замы взяточники, наблюдатели и сигнализаторы взяточники, и во все свои региональные подразделения они набирают только взяточников.

Конечно, все эти работники формально что-то делают в соответствии с должностными своими инструкциями и уставом организации. Но в башке у каждого одна мысль: «Как бы получить денег», а о пользе кому бы то ни было, кроме себя, мыслей у них уже нет.

И вот на первый план в их представлениях о работе выползает «наказание розгами», потому что из боязни «розог» люди согласятся давать взятки. А недопущение «заторов» (нарушений на дорогах) быстро становится второстепенной задачей, а то и вообще снимается с повестки дня, потому что чем больше нарушений, тем больше розог и тем больше взяток. Зачем же искоренять нарушения?

Понятно, что вся законодательная инициатива этой федеральной службы направится теперь на одно: чтобы законы назначали больше розог. Законодательный орган страны по какой-то причине утверждает такие законопроекты, будто забыв, что главная задача этой службы — предотвращение заторов. А у той службы, помимо актов законных, есть ещё в запасе акты подзаконные! Это — правила дорожного движения и правила сдачи экзаменов на получение водительских удостоверений. Служба сама их утверждает, сама исполняет и сама контролирует их выполнение. На экзаменах, организованных формально правильно, можно легко «резать» кандидатов с нормальными навыками вождения, но принципи-

ально не дающих взятку (действительно: зачем таких и на дорогу-то выпускать?), одновременно за деньги доверяя руль водителям неумелым, потенциальным нарушителям, а также тем умелым, кто понимает, что надо платить.

Так увеличивается стадо стригомых, так растёт риск заторов на дорогах. Служба остаётся государственной, с установленными ей задачами, а сама давно уже переродилась в нечто не просто другое, а прямо противоположное, и очень опасное...

Вернёмся на минуточку в звериный лес, где лиса, увидев мышь, или зайца, или лося, или охотника, ведёт себя по-разному — мы об этом рассуждали немного выше, — и превратим нашу притчу в сказочную историю.

Итак, лиса встретила зайца.

Зайцы — грызуны, питаются травой, корой и ветками деревьев. Они быстро бегают, могут плавать. Их просто так не поймать: у них даже детёныши родятся прямо на земле, зрячими, покрытыми шерстью и уже способными к передвижению. Но всё-таки лисица — хищница семейства псовых — на зайцев охотится весьма успешно.

И вот она встречает зайца не простого, а взяткомодифицированного. Он внешне (формально) заяц, но плотоядный, абсолютно бесстрашный, во рту клыки, а сила сжатия челюстей у него килограммов сто. А лисичка-то сестричка, дурочка, в силу инстинкта воспринимает его как простого зайчика-побегайчика! И ведёт себя с ним соответственно: улыбается, хвостом помахивает и делает приглашающие жесты: дескать, не желаете ли, зайчик, попасть ко мне на обед, будет мило. Понятно, уже через пять минут наш зайчик развесит её шкурку для просушки и, облизываясь, побежит дальше по своим делам.

Став замаскированными хищниками, зайцы развалит всю трофическую пирамиду, выев настоящих хищников только потому, что те будут заблуждаться на их счёт, при-

нимая за консументов нижних ступеней. Скоро сама жизнь на территории, где расплодились эдакие твари, окажется под вопросом, ибо мутировавшие зайцы сожрут не только хищников, которые их не боятся, но и своих не переродившихся травоядных сородичей.

Точно так в нашей федеральной структуре: если каждый её сотрудник знает, что и рядом, и выше — только такие, как он сам, — всякий случайно затесавшийся «в ряды» *другой*, который не хочет быть как они, — то есть не взяточник, — немедленно будет съеден, вернее, изгнан по любому поводу. Достаточно сообщить о нём начальнику, и негодного сотрудника сразу уберут: ведь он опасен, он может рассказать «внешнему миру» об их перерождении!

КОРРУПЦИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Прокуратура пересчитала взяточников

На страну накатила новая волна взяток. С таким заявлением выступил вчера на коллегии своего ведомства глава Следственного комитета при прокуратуре (СКП) РФ Александр Бастрыкин. В первом полугодии было зарегистрировано более 8 тыс. фактов взяточничества против 6,7 тыс. за тот же период годом ранее. «В России сохраняется устойчивая тенденция к росту случаев взяточничества», — заявил Бастрыкин, подчеркнув, что этот рост приобрёл устойчивый характер.

«Приведённые цифры сопоставимы с одной десятитысячной долей того, что происходит, и отражают только то, что реально может раскрыть СКП», — считает эксперт Института системных исследований проблем предпринимательства Н. Смирнов.

Говоря о взяточничестве, эксперты отмечают, что бизнес не хочет платить взятки, так как это плата не за преференции, а за возможность существования.

«Независимая газета», 08.08.2008

Природная трофическая пирамида создана на природных законах, определяющих, кто кого ест. Социальная же «пирамида» предусматривает действие юридических законов. Поведение таких вот мутантов лишает юридические законы

смысла: «звери» принимают решения «по понятиям», а законы применяют против своих врагов.

Есть мнение, что перерождение нормального чиновника во взяточника начинается с того, что «клиент» сам уговаривает его: «давай договоримся», деньги суёт, якобы это подарок. Мнение верное, но это лишь первый этап. Совсем другая история начинается, когда чиновник, находясь на должности, уже намекает клиенту: «давай договоримся». Или когда врач, обычно бравший «подарки» лишь после того, как вылечит больного, теперь сразу объявляет, что если больной не сунет в карман его белого халата купюру, то он не только его жалобы на здоровье слушать не станет, но даже медкарту не откроет. Ещё страшнее третий этап: когда автоинспектор предлагает «договориться» водителю, который ничего не сделал, который ни в чём не виноват!.. А врач, если ему не заплатили, отрезает клиенту здоровую почку.

На первом этапе наивного взяточбрательства ещё возможны отказы и ссылки на совесть. На втором совесть уже забыта, но возможны варианты: дескать, «вы многодетная мать, как можно с вас брать». Для примера: Юрий Деточкин, герой фильма «Берегись автомобиля», угонял машины только у тех, кого сам считал жуликами. И не надо говорить, что взяточник, будь он чиновник или врач, — это одно, а угонщик автомобилей — совсем другое. Ничего и не другое: все преступники. На третьем этапе мораль и этика исчезают без всяких вариантов, их больше не существует.

Предположим, к вам на улице подошёл некто в форме милиционера и с автоматом и ограбил вас. Вам, конечно, интересно: это настоящий милиционер вас грабил или переодетый преступник. Но жаловаться вы будете на то, что ограбили, а тот факт, что преступник был в форме, отметите в графе «особые приметы»: мол, «в милицейской форме». Потому что тот, кто вас грабил, — преступник, независимо от того, ходит он в форме по праву или нет.

Кстати, а кому вы в этом случае побежите жаловаться? Милиционерам?

Вот реальный случай: милицейский наряд из двух старших сержантов похитил таксиста с целью выкупа. Действовали нагло, не скрываясь, ничего не боясь. Подошли к машине: «Мы знаем, что ты наркотики хранишь, давай нам 10 000 рублей, а то мы тебя отведём в РОВД и в клетку посадим». Под дулом автомата отобрали у таксиста деньги, рацию, автомагнитолу, мобильник и документы, отвезли на кладбище и потребовали выкуп в сумме уже по 20 000 рублей каждому. Отпустили на волю за деньгами, пригрозив, что если не принесёт денег, то они его навсегда упрячут за решётку.

В данном случае потерпевший побежал жаловаться в Управление собственной безопасности МВД Удмуртии. Оперативники, взявшие сержантов с поличным при получении денег, считают, что за ними может числиться целая серия подобных преступлений: слишком уж они нагло себя вели, ничего не боялись, будто чувствуя свою безнаказанность.

С этого этапа начинается подрыв доверия к государству и его институтам. Может быть, в той конторе, где служили обнаглевшие менты, ещё не все берут взятки, но раз уже вымогают — значит, болезнь неизлечима.

Наивным будет тот, кто решит, что это нетипичный случай.

Возьмём в рассмотрение коллектив милиционеров (или учителей, или инспекторов Бюро технической инвентаризации, неважно). Становится известным — а как правило, в коллективе это всегда становится известным, — что милиционер Пупкин (или учитель Мупкин) вымогает взятки. Или более замаскированный случай: что начальник БТИ насоздавал вне своей инспекции десяток частных контор, в которых документы оформляют за деньги, но зато быстро и качественно, а в самом БТИ сплошная волокита.

Как должен поступить член этого коллектива, человек порядочный — например, вы, читатель? Либо уйти, чтобы избежать подозрения, что и вы тоже взяточник, либо добиться, чтобы Пупкина с Мупкиным выгнали, а то и в тюрьму бы посадили. Но обычно человек порядочный смиряется — и не уходит, и со взяточничеством не борется. Как же, он же «порядочный»! Он же не может «настучать» на товарища по работе!.. После этого он сам живёт с клеймом взяточника, сотрудника переродившейся конторы. И правильно: потакаешь — значит, виноват.

Нередко взяточничеству потакают государственные мужи.

С.Ю. Глазьев в одном интервью привёл такой пример: *«В своё время, работая министром, я по объективным признакам догадывался, кто из моих подчинённых мог брать взятки, и передавал соответствующие материалы в следственные органы. Я таких людей увольнял, хотя противодействовал мне не кто-нибудь, а первый вице-премьер РФ, вплоть до того, что требовал снять меня с должности за те злоупотребления, которые я сам же и раскрыл в министерстве. Эту школу я проходил, поэтому уверен, что хороший руководитель видит и понимает, кто у него в подчинении коррумпирован. И рыба, как говорится, гниёт с головы»¹.*

Ещё он в этом же интервью сказал, что неоднократно был свидетелем, как крупные западные структуры не просто подкупали высоких должностных лиц в российском руководстве, но и добивались решений с колоссальным ущербом для отечественных товаропроизводителей.

Выражение «честь мундира» ныне имеет негативный смысл; в словаре Ожегова оно снабжено пометой «ирон.», то есть «ироническое», и его обычно понимают как символ корпоративной обороны. Милиционер сбил на авто-

¹ Экспертный сайт «Открытая экономика» — ОРЕС.ру, 24 января 2003 года.

мобиле старуху; его начальство «отмазало» убийцу от наказания. В армии от побоев погиб солдат; на защиту встал генералитет: говорят, солдат сам с лестницы упал, об косяк убился. Медперсонал больницы привязывает к койкам больных детей; это становится известным; главврач сообщает прессе, что дети сами виноваты: дескать, кричали и кусались.

Журналисты пишут, что это и есть защита чести мундира, — но где же тут «честь»?

Во все времена человеку была важна причастность к той общественной структуре, к которой он сам принадлежит: к армии, научной школе или департаменту. Со времён Петра I чиновничество было одето в мундиры, и словами «честь мундира» люди выражали уважение к нему как символу своего сообщества. Честь понималась как недопустимость такого *своего* поведения, которое порочило бы сообщество, и, надев мундир, люди подтверждали свою готовность к определённом личному поведению в пользу этого сообщества.

Заметили? *Личное* поведение в пользу *сообщества*. А в реальности мы видим нечто совершенно противоположное. И должны понимать, что если армейский офицер насилует и убивает девушку, или сотрудник МВД берёт у преступника взятку и отпускает его — в общем, если человек в мундире совершает подлый поступок, пятнающий честь его мундира, — и, вместо того чтобы — ну, не застрелиться (этого мы от них не дождёмся), а хотя бы повиниться, — с готовностью принимает «защиту» со стороны вышестоящих подлецов в мундирах, то в этих мундирах скрыты морально переродившиеся типы. Они защищают не мундир, и не должность, и не интересы службы, а себя на своей должности в этой службе, которую сами превратили в личную синекуру.

**КОРРУПЦИЯ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ**

В Москве прошли аресты сотрудников ГУВД, состоявших в банде

В понедельник в 6:00 утра в Москве началась беспрецедентная по своему масштабу спецоперация по задержанию сотрудников столичной милиции, состоявших в банде и подозреваемых в совершении тяжких преступлений — таких как шантаж, рэкет, убийства, фабрикование доказательств и обвинений.

Облавы прошли в самом здании ГУВД, в офисах фирм-прикрытий, специализирующихся на охранных услугах. За сегодняшний день в рамках спецоперации проведено более 60 обысков. Арестованы 7 высокопоставленных милиционеров-оборотней. Их организованная преступная группа действовала не менее четырёх лет.

В операции по обезвреживанию группировки «оборотней в погонах» принимают участие около 600 сотрудников МВД, ФСБ и Генпрокуратуры. Захват и аресты преступников проводит спецназ ФСБ «Альфа».

NEWSRU.COM, 23.07.2003

И вот оказывается, что взятка — не просто скромный денежный побор для поправки финансового состояния отдельного взяточника. Нет, это механизм развала государства изнутри, а если смотреть шире, коррупция — мощный инструмент по ликвидации института национальной государственности вообще.

Однако начнём сначала.

Появление коррупции

Долгими столетиями слово «коррупция» означало вовсе не то, что понимают под ним сейчас. Для осуждения неправедных поборов отдельных властных персон это слово не использовали аж до XIX века! В России, например, говорили: бакшиш, магарыч, лихоимство, посулы, хабар, акциденции. Коррупцией же называли порчу системы правления в целом, её ухудшение — этот латинизм проходил по разряду